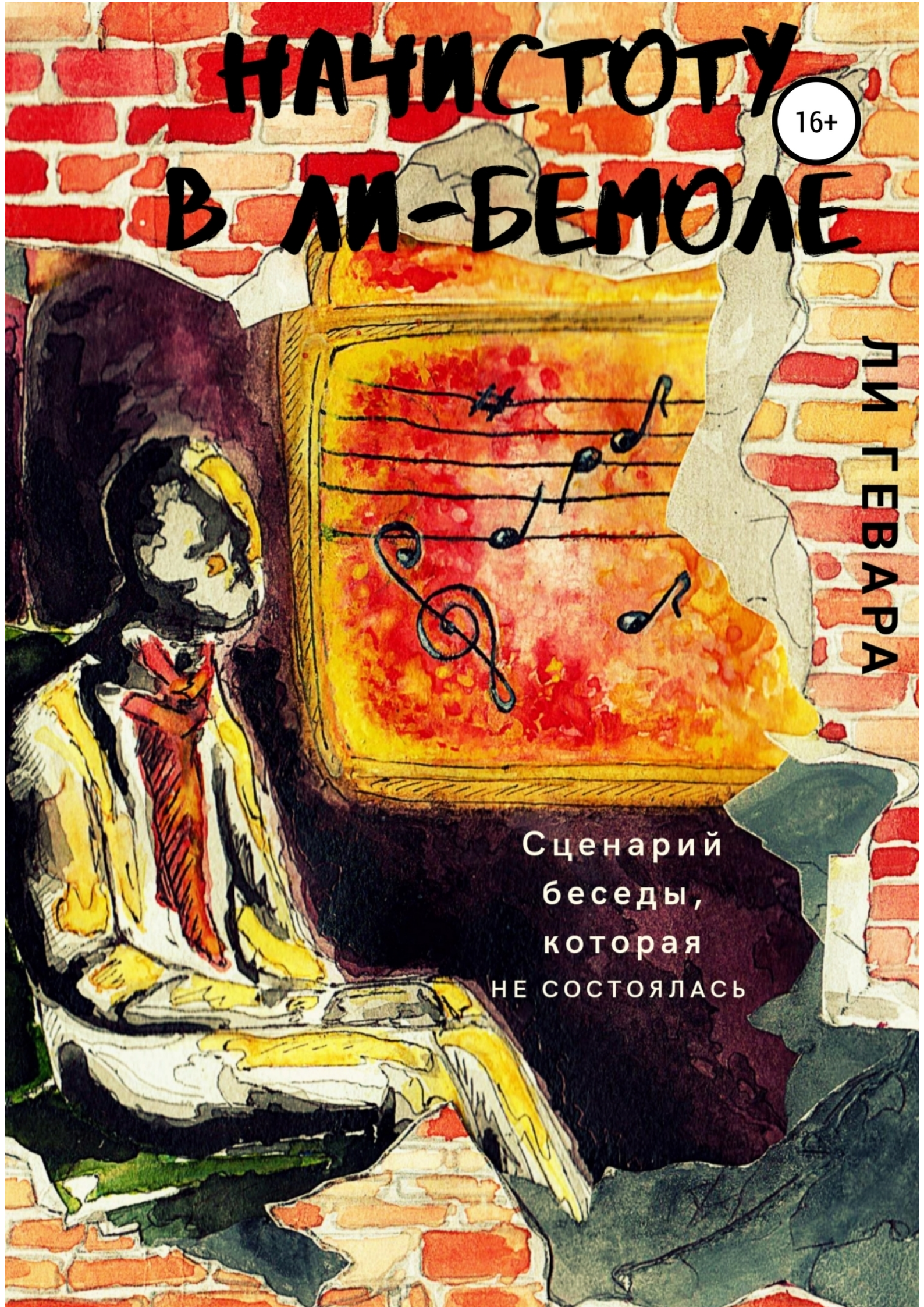

НАЧИСТОТУ В ЛИ-БЕМОЛЕ

16+

ЛИ ГЕВВАРА

Сценарий
беседы,
которая
НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Ли Гевара

Начистоту в ли-бемоле

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гевара Л.

Начистоту в ли-бемоле / Л. Гевара — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Есть темы, на которые лучше молчать. А если молчать нет сил? Есть люди, с которыми мы уже никогда не сможем поговорить. А вдруг такая возможность всё-таки существует? Как рассказать о самом главном всего за одну короткую ночь? Как объяснить самое наболевшее так, чтобы тебя непременно поняли? И, что важнее, – прочувствовали?.. Эта маленькая книга – та самая попытка рассказать. Так её автор попробовала перевернуть свою жизнь более прохладной стороной и на пару часов стать абсолютно откровенной и уязвимой, как бывает только в доверительной беседе с самым близким человеком: на крыше под чашей сизого предрассветного неба, или на тёплой кухне за чашкой имбирно-пряничного латте, или вовсе – в вечносонном плацкарте, шёпотом, когда слова выстукивают один ритм с колёсами, походя обнимающими рельсы и тут же прощающимися с ними – каждый раз навсегда. Сегодня самый близкий человек для Ли Гевары – это вы, читатель. Вот полка, забирайтесь на неё с ногами и открывайте первую страничку. Поговорим начистоту.

© Гевара Л., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Действующие лица:

ОНА: высокая худая девушка. Точный возраст не определить: ей можно дать как 20, так и 30. Волосы каштановые, ниже лопаток, глаза карие в сумерках, зелёные на свету. Лицо в веснушках. Одета в белую майку и простые джинсы. На ногах ярко-красные кеды.

ОН: рослый молодой человек крепкого телосложения, лет 25. Волосы тёмно-русые, коротко подстриженные, глаза серо-зелёные, светлые. Одет в чёрную футболку и брюки от военной формы «Дубок». На ногах тяжёлые берцы, на лице небольшие очки с диоптриями.

ПРОВОДНИЦА: женщина лет 50, полная, с приятным лицом и выкрашенными в бордовый волосами, забранными в пучок. Одета в синюю форму «Укрзалізниці».

ВРАЧ: невысокий сухощавый мужчина за 60. Седой, коротко стриженный. Лицо интеллигентное, но уставшее, в морщинах. Одет в белый халат и светло-коричневые вельветовые брюки, на ногах мягкие белые мокасины.

Плацкартный вагон поезда «Севастополь – Киев». Четыре часа утра. Свет не горит, занавеска отдернута, и за тёмным окном видны проносящиеся поля и редкие полустанки. ОН и ОНА – единственные пассажиры в вагоне. ОН сидит на нижней полке, положив руки на приоконный столик. ОНА – на верхней полке над ним, болтает ногами в опасной близости от головы собеседника.

ОН (после затянувшейся паузы). А что, если нас с тобой не станет? Ты думала об этом?

ОНА. Когда меня не станет,
когда тебя не станет,
когда всех нас не станет
к концу отпущенных –
что за себя оставим?
Сомнения, усталость?
Разорванные стяги?
Обугленные пустоши?

Когда тебя не будет,
когда меня не будет,
совсем-совсем не будет –
кто встанет у меча?
Заговорят в народе
что, дескать, были люди,
а может быть, уроды,
а может, промолчат?

А кто-то – так быть может –
и выдохнет: ну что же,
не стало двух убожеств,
дорог нехоженных.
И выпьет, толстокожий,
и станет чуть моложе –
его ничто не гложет.
Так тоже может быть.

Мы столько книг не сделали,
мы столькими не читаны,
мы не простили стольких, что
уже и не успеть.
И наши песни семенем
не проросли на чистую.
Из года в год всё тоньше,
невидимей доспех.

Мы не опадали самолётами,
мы не воевали с пулемётами,
даже не планировали что-то там
в отместку прожитым.
Нас об этом, в общем, не просили,
но когда сиять настолько сильно,
небеса тебя в себе фиксируют
раньше, чем положено.

Ржавеют образáми
рождественские сани,
готовятся к отправке
по млечности путей.
Никто и не узнает,
что нас уже не стало.
Немыслимая правда
незначущих потерь.

ОН. И почему все так боятся смерти?

Естественна, как рождение, смех, слёзы,
секс и процесс дефекации,
безобразна своей непогрешимой неисключительностью,
смерть восхитительна самой своею сутью –
гранью, которой книга, истончаясь, кончается,

а дерзкие имеют необоснованное право полагать, будто не кончается.

Или кончается, и вновь начинается.

Или кончается, и начинается Библия/Тора/Коран/Бхагаватгита/Пособие по приручению Летающего Макаронного Монстра.

Мне забавно воображать, что наименее интеллигентный пласт аудитории корёжит от слова «кончается», а не оттого, что я повторил его четырежды.

Как тяжело нам просыпаться по утрам.

Не всякий согласится добровольно переехать из цветной фантастики в чёрно-белый арт-хаус,

дерьмовый, к тому же.

Глаза категорически не желают открываться,

тягучий медовый воск сна обнимает голову,

заточенную под думать, думать, думать...

Думать не нужно, иди в удивительный мир, смотри его,

живи его,

жуй его,

впитывай.

Одеяло – мякоть сна.

Ты – его кость, сердцевина:

бросайся в землю, прорастай в сутулую реальность новыми снами, рощей снов, тайгой снов –

никто не вырубит, не сожжёт, не сделает из сна стул или виселицу.

Уснуть – стать материалом, к которому не притронется ничья рука, подвластным только Космосу и воображению.

Сон – маленькая смерть.

Отчего же боимся мы смерти большой?

Представь:

никогда

никогда

никогда

не просыпаться...

ОНА. Как? Вообще? Никогда-никогда?.. А вдруг нам будет сниться только тишина?

Ведь тишина означает: брат, я должна молчать.

С каждым словом нетвёрже шаг и иней типаж.

Три круга внимания – дантовская печать.

Я снаружи кругов.

Я выхожу в тираж.

Первый круг – это люди. И люди хотят войны.

Были кольца на пальцах; овация – пальцы в кровь.

Здесь война – не врасти в периметр, дёрнуть чеку основ...

Я по благу в пресс-ложе.

И я хочу тишины.

Я хочу, утомившись звуком, улечься к тебе под бок

и впечататься татуировкой в твои черты.

Чтобы были мы – ток, опускающий нам мосты,

оборот бесконечности

после тире дорог.

Город вынес меня за скобки, смял пыльным календарём.

Круг второй опустился к ночи, вцепился в озяблость рук.

Тишина – третий круг, очерченный фонарём.

В его свете ищу твою тень...

А тебя ни здесь, ни вокруг.

Тишина означает: брат, мне нельзя дышать.

С каждым выдохом, кажется, трачу тебя в себе.

Если были мы, дай мне об этом знать:

может, будем ещё – в каком-то

из октябрей.

ОН. Не говори, что знаешь, как выйти за круг дождя,
когда дождь постигает, кажется, самую суть вещей,
что пыляться внутри твоей черепной коробки.
Засов отодвинут (сорван), крышка откинута. Ждать,
когда что-то из этих (ненужных) станет чуть-чуть нужней
тем, для кого ты нежен, бессмысленно. Ведь, стоя в пробке,

люди не ищут путь – им надобен навигатор.
Людям не верен снег, под имбирно-пряничный латге
пляшущий, будто бы мягкий медведь на небе молча теряет вату,
и вокруг так бело и звонко, что у тебя вот – ёкает.
И у меня – ёкает.
А других – коробит.
(Потому что у них «гололёд», а не «зеркало города», «осадки» же, а не «хлопья»).

Не говори, что хочешь выйти за все пороги
многоимённой веры, ощерившейся крестами
с телеэкрана раненого пейзажа,
бросившегося с девятого этажа.
Люди не терпят себя – как их терпят боги?
Смотрим не глубже, чем под ноги, читаем себя с листа мы,
то ли и правда ждём, то ли волочим заживо
закононенное, забракованное «ждать».

Не говори, что...
Знаешь, слова ничего не исправят.
Пусть это будет молчание, прячущее ответ
в левой руке. А в правую, беспрекословно правую,
вправлен билет до прошлого с пересадкой сердца в Москве.

И никому ни слова. Мы до завтра не уничтожимся,
значит, завтра поговорим.

Мир
нас разденет до самого до никтожества,
снежной нежностью обагрив.

Ври
мне
нагло,
ври безутешно,
ври, что время вернёт мне долг и
мои даниловские веснацать лет.

И вставай уже на ноги.
Серьёзно, асфальт холодный,
простудишься. Посмотри, как хорош
(когда ничего не ждёшь),
бессовестно хорош
снег.

ОНА. Погоди, до снега ещё далеко. Столько всего впереди – первый листопад, первая прохлада октября, первые после лета уютные свитера. . . И такие краски кругом, хоть бери кисть и мажай её прямо в пожар каштанов.

ОН. Боюсь, не в этот раз. По крайней мере, не у нас.

ОНА (*посерьёзнев*). Да, наверное, ты прав. Нас на перроне будет встречать другая осень. Я даже догадываюсь, что она нам скажет:

Привет. Я осень. Я втекаю
на цыпочках в твоё окно
и жду. Мой город навсикаев
и прян, горчит сентябрьским карри,
зовёт на дно.

Порадуй, снизойди – здесь нечем
мечтать, но плюсы налицо:
никто в печаль не обилечен,
врачей нет – и никто не лечит.

Товарищ Цой,
опять же, – славное знакомство.

Сидит, охоч до сигарет.

Не хочешь Цоя – будет Моцарт.

Без Нэнси Вишесу неймётся,
а с Нэнси – нет.

А главное – здесь безболезно,
чего не скажешь о теперь.

Все ноги ходят, а не ездят,
сны исключительно дизезны,

и ни потерь,

ни взорванной вины в потёмках

за смерть любимого котёнка.

Как жался он к тебе, подонку...

Прощать себя – прощаться. Сколько

ещё темнеющих осколков

вместит закатный абажур?

Ночь рвётся там, где ночи тонко.

А впрочем, песня не о том – так

давай скажу,

чего не скажешь, дожимая

остатки сил в пустой стакан.

Привет. Я осень. Я живая.

Чего не ска...

Неужели тебе действительно совсем-совсем ни капельки не страшно?

ОН. Не знаю... Наверное, не должно быть. По крайней мере, если верить, что там, по ту сторону, что-то есть.

ОНА. Рай?

ОН. Вроде того.

ОНА. Мне, признаться, интересней размышлять о перерождении. Я частенько об этом думаю. Недавно даже нафантазировала, что попала в приёмную Верховного Распределителя Тел и торгуюсь с ним о своей следующей жизни, представляешь?

ОН. О как! Ну-ка, подробности в студию!

ОНА. – Можно всех посмотреть? – говорю ему, мелочь выискивая.

Отвечает: – Да ты сперва с собственным искру высеки.

Что бродить городами да пасеками да выселками,
коли дома нет ни души?

– Я б дышала, – кричу, – да лучше бы было пусто там.
В пустоте так сподручней, ежели вслух да устными,
только засели звери озлобленные Заратустрами:
и ты, мол, умрёшь. Не взыщи.

Покажи, – умоляю, – дай ещё вариантов мне,
сколько можно самой страдать, а чужого радовать,
сколько мучиться телу хрупкому, телу рабьему
в прокрустовых клешнях сцилл?
Вон их сколько иных – здоровых, красивых, ладных!
Я не стану в долгу, я тебе доплачу, коли надобно;
аль на что-то найдёшь акциз?

Ухмыляется сутенёр, рыло страшное, взгляд с поволокою.
Тянет мне бересту да с лица убирает локоны:
– Что ж, гляди, напросилась сама: две колонки тут,
пыл да жар собрал, самый цимес,

только вот твоя – правая. Влево даже не взглядывай.

Разворачиваю, читаю – и сердце пронзает надолбом:
там, где лево, там, где нельзя – имён океаны налиты.
Там, где право – одно.
Моё?..

...И кричит, и вопит мировая душа в одиночестве,
неименуема, без памяти да без отчества,
по семи миллиардам кусочками раскурочена.

Зверь мешает-меняет кусочки, как ему хочется.

Пусть её, пусть орёт.

ОН. Так, выходит, у нас на всех – одна душа? И, сколько ни старайся, какие-то её части
обязательно будут страдать? Никакого выхода?

ОНА. Было бы довольно трагично, если так.

*Оба долго молчат. Слышен стук колёс. Неприятно поскрипывает бутылка, зажатая
между стёкол окна – испытанный «кондиционер» для всякого вагона эконом-класса, символ
изобретательности постсоветского населения. Постмодернизм, быть может. Наконец, мол-
чание прерывается ЕЁ голосом сверху.*

ОНА. Если осень – это брызги солнца в стёкла,

в приопущенные веки занавесок,
то зачем тогда под облачным навесом
всё равно она – хорошая – промокла?

Если осень – это шаткие ступени
из разошедшихся солёных струн причала,
то зачем она – хорошая – кричала,
когда прочие – заботливые – пели?

Если осень – просто груды жёлтой пыли,
то зачем-то станет что-нибудь не жёлтым.
Брызги будут – снега. Будет что-то,
чтоб она – хорошая – остыла.

И тогда коснутся пальцы – без прелюдий –
струн, каких уже давно не носят...

Просто было что-то – очень осень –
что она – плохая – не забудет.

ОН. Перестань. Ты совсем не плохая. Плохой человек не смог бы писать такие стихи,
поверь мне. Я – не могу.

ОНА. Да ведь я просто берег. Стихи прибывает ко мне волной.
Те, что разбились о скалы – кто-нибудь да спасёт.
Я хотела бы вырасти, городом стать, страной, –
но у судьбы-злодейки слишком зубастый рот.

Я хотела бы метко, как маленький Телемах,
окропить человечество рифмами: путь открыт!
Но секундная стрелка свершает незримый взмах,
и я вновь – одичалый берег. Мне сцилл и чуть-чуть харибд
без колец на усталых пальцах,

без героя под парусами,
что захочет навек остаться
в тени моих личных скал.

Если путник не прочь сорваться –
он сделает это сам.

А когда-то меня любили... ах, как любили!
А когда-то меня носило в облаках и бросало в жар.
Но зубастые музы подпилили мои стропила,
а влюблённые воины не сумели сдержать удар –

и теперь целят в спину памятью в сотню ом
сквозь зубчатые жалюзи. Кем-то стали они в итоге?..
Я бы вышла в море спасительным маяком –
да Громовержец спяну забыл мне оставить ноги.

И уходят в закат дороги,
по которым мне не идти.
Мир корёжится от изжоги,
не найдя моего пути.

В тамбуре курят боги,
дышат в стекло: «прости».

Ты ошибся, Отче? Бывает. Не обессудь.
Не ту душу ты запер в горнице без дверей.
Не я выбирала себе этот длинный зубастый путь –
он сам меня выиграл в небеснейшей из лотерей.

Я зубами вгрызаюсь в плоть бесполезных знаний.
Я крепко сжимаю зубы, когда мне бывает трудно.
А трудно бывает. Да что уж там – постоянно.

У меня, вероятно, очень плохие зубы.

ОН. Зубастых людей и без тебя хватает, не переживай. Но ведь ты всё правильно сказала.
Не мы выбираем себе пути и обстоятельства – тем не менее, мы способны сделать выданный
нам путь своим и выстелить его добрыми делами. Как там?..

Эта планета – переполненная палата.
Здесь дурно пахнет и кого-то всегда хоронят.
По планете дрейфуют боги в белых халатах –
боги с глазами рыб, обаятельные Хароны.

У них всегда, разумеется, правильные решения,
и воздух вибрирует в ритме больной кантаты,

когда в ловких руках появляется шприц с волшебным,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.